

КАНАДА И НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО

© 2015 г. **Д.А. Володин***
Институт США и Канады РАН, Москва

Статья посвящена изменению роли НАТО в военной политике Канады. Главное внимание уделено переходу Канады от регионального к глобальному пониманию НАТО.

Ключевые слова: *военная политика Канады, расширение НАТО, миротворчество, противоракетная оборона.*

Канада как член Организации Североатлантического договора (НАТО) с момента её основания в 1949 г. всегда уделяла в своей оборонной политике значительное место североатлантическим обязательствам. Однако после исчезновения СССР, для противодействия которому и создавалась НАТО, Канаде стало сложнее находить общий язык с альянсом по ключевым международным проблемам. Пересмотр стратегической концепции НАТО дал Канаде возможность скорректировать развитие альянса в нужную для себя сторону и уточнить отношения с этой организацией.

Решение о подготовке новой стратегической концепции было принято на заседании Совета НАТО в Страсбурге и Келе (*Kehl*) в апреле 2009 г. В связи с тем, что со времени принятия предыдущей стратегической концепции в 1999 г. количество членов альянса увеличилось в полтора раза – с 19 до 28, процесс пересмотра принял крайне сложный характер, потребовав согласования позиций всех стран-участниц.

Формально этот процесс завершился в ноябре 2010 г., когда на саммите НАТО в Лиссабоне была принята новая концепция. Однако фактически пересмотр приобрёл перманентный характер. В феврале 2011 г. руководство альянса выдвинуло идею «умной обороны». В мае 2012 г. на саммите в Чикаго был принят «Обзор политики в области сдерживания и обороны», который уточнил военную составляющую и в особенности роль ядерного оружия и противоракетной обороны (ПРО) в стратегии НАТО. Наконец, в 2014 г. на фоне украинского кризиса было изменено несколько ключевых элементов этой концепции и, прежде всего, отношения с Россией. Соответственно, для Канады пересмотр не закончился с принятием стратегической концепции в Лиссабоне, а приобрёл более длительный и сложный характер.

С самого начала участие Канады в разработке новой концепции НАТО проходило на нескольких уровнях. Во-первых, страна действовала на уровне

* ВОЛОДИН Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: dmvlndn@gmail.com

аппарата НАТО. Посол Канады в Австрии и одновременно представитель в международных организациях в Вене М. Жерве-Видрикэр вошла в число 12 экспертов, которым генеральный секретарь поручил провести подготовительную работу над новой стратегической концепцией. Итогом работы этой группы экспертов во главе с бывшим американским госсекретарем М. Олбрайт стал доклад «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие». Во-вторых, собственную позицию определяла официальная Оттава. Наконец, ещё одним участником были эксперты и общественность.

От регионализма к глобализму

Главным для Канады в ходе обсуждения новой концепции был вопрос о том, какой – региональной или глобальной – должна быть сфера ответственности НАТО.

Сам этот вопрос возник ещё в середине нулевых годов. Увязывая всё больше и больше в конфликтах в Афганистане и Ираке, Соединённые Штаты стали настаивать, чтобы альянс взял на себя глобальные функции по обеспечению безопасности. В 2006 г. два американских политолога И. Даалдер и Дж. Голдгейер опубликовали статью в журнале «Форин афферс», в которой подвели теоретическую базу под превращение НАТО в глобальный по своему составу и решаемым задачам альянс. Основной их тезис сводился к тому, что глобальный характер современных угроз и в особенности терроризма невозможно решить в рамках регионального военного блока. В этой связи они предлагали пересмотреть само понятие обороны и перейти от «коллективной» к «передовой» обороне, т.е. к «ликвидации угроз в местах их возникновения» [14, р. 105]. Решение такой масштабной задачи предполагалось достичь за счёт приёма в альянс демократических стран за пределами евроатлантической зоны*.

После появления этой статьи один из её авторов был назначен постоянным представителем США при НАТО, а сами Соединённые Штаты стали в рамках альянса активно продвигать идею выстраивания партнёрских связей со странами за пределами евроатлантической зоны.

Доклад, опубликованный группой экспертов во главе с М. Олбрайт, отражал более традиционное понимание зоны ответственности альянса. В документе отмечалось, что «НАТО никоим образом не является единственным ответом на каждую проблему, затрагивающую международную безопасность. НАТО – это региональная, а не глобальная организация» [28, р. 32].

На официальном уровне Канада выступила за глобальный мандат альянса. Особенно важное значение имели оценки, высказанные премьер-министром С. Харпером на переговорах с генеральным секретарем НАТО А. Фог Расмуссеном в Оттаве в январе 2010 г. Дело не только в том, что С. Харпер, как глава правительства, имел в этом вопросе решающее слово. Сами переговоры носили закрытый характер, и их содержание стало известно в результате обнародо-

* Список потенциальных кандидатов был довольно широк: Австралия, Бразилия, Индия, Новая Зеландия, Южная Африка, Южная Корея [14, р. 109]

вания американской дипломатической переписки на сайте «Викиликс»^{*}. В ходе переговоров С. Харпер отмечал необходимость «продолжения трансформации НАТО в сторону отказа от территориальной обороны и переходу к созданию сил, которые можно быстро развернуть в нужном месте, независимо от того, входит ли оно в зону ответственности НАТО» [9].

Стремление превратить НАТО в организацию с глобальным масштабом деятельности прослеживалось и в выступлениях тогдашних канадских министров иностранных дел и обороны Л. Кэннона и П. Маккея. Как отмечал Л. Кэннон по итогам заседания Совета НАТО в октябре 2010 г., «часть трансформации альянса включает определение средств, с помощью которых НАТО может укрепить диалог и сотрудничество со своими партнёрами. Канада ценит систему партнёрств НАТО; глобальные вызовы безопасности, с которыми мы сегодня сталкиваемся, делают расширение системы региональной безопасности с помощью партнёрств всё более важной задачей» [25].

Ещё чётче связь между выстраиванием партнёрств и созданием глобальной линии обороны сформулировал П. Маккей. Как он пишет в своей статье, «максимальное использование потенциала НАТО и обеспечение его наивысшей эффективности во всё большей степени включает работу с партнёрами по всему миру, в том числе с ЕС, Россией, странами Средиземноморского диалога и Стамбульской инициативы по сотрудничеству, а также другими глобальными партнёрами вроде Австралии и Японии. Развитие партнёрств – необходимое условие способности НАТО отвечать на удалённые вызовы безопасности» [22, р. 36].

Мнение, что НАТО должно иметь глобальный мандат, поддерживало и большинство канадских экспертов. Наиболее авторитетным документом экспертного сообщества стал доклад «Безопасность в неустойчивом мире. Позиция Канады в отношении новой стратегической концепции НАТО». Его основной автор – бывший руководитель отдела международной безопасности канадского Министерства иностранных дел П. Чапин, а в обсуждении ключевых положений участвовали почти все ведущие военные эксперты. Достаточно сказать, что среди них были бывший министр обороны, три бывших начальника штаба национальной обороны и бывший председатель военного комитета НАТО.

Исходная установка доклада – такая же, как у Даалдера и Голдгейера: современные глобальные вызовы невозможно решить в рамках региональной организации. Как подчёркивается в документе, «проблемы безопасности, с которыми сегодня сталкиваются члены НАТО, имеют различные формы и больше не ограничиваются евроатлантическим регионом» [11, р. 27].

Одновременно с расширением географических рамок предлагалось расширить и функциональные задачи: «В будущем... НАТО, вероятно, придётся заниматься более широким спектром вопросов глобального характера. Несоостоятельность государств и связанный с этим эффект домино, теневой рынок оружия массового уничтожения и средств его доставки, ухудшение окружающей среды, зависимость от иностранных источников энергоресурсов, транспортная и коммуникационная взаимозависимость – всё это представляет

^{*} О деталях переговоров Харпера и Расмуссена сотрудников американского посольства в Канаде проинформировала одна из руководителей канадского МИД К. Андерсон.

растущие проблемы для сохранения политического и экономического процветания членов альянса» [11, р. 28].

Главную опасность авторы доклада видят в усилении евроцентричности НАТО. Расширение на восток в 1990–2000-е годы превратило альянс почти в сугубо европейскую организацию – 26 из 28 его членов входят в ЕС. Для Канады это означает, что трансатлантические отношения в сфере обороны всё больше и больше превращаются в отношения между Соединёнными Штатами и Европейским Союзом. В докладе подчёркивалась недопустимость предварительных двусторонних консультаций между США и ЕС по какому-либо вопросу, а затем вынесение его на рассмотрение Совета НАТО как уже решённого [11, р. 23].

Однако за общей поддержкой идеи глобального Североатлантического альянса могло скрываться разное понимание экспертами этого понятия. Показателен в этом плане пример А. Моэнса из Университета Саймона Фрейзера. В докладе П. Чапина А. Моэнс указан как один из консультантов. Но в своих публикациях Моэнс излагает несколько иную концепцию НАТО. Если в докладе Чапина предусматривалось максимально возможное расширение географических и функциональных рамок этой организации, то Моэнс поддерживает снятие географических ограничений при одновременном сужении функциональных задач альянса. Смысл концепции А. Моэнса заключается в том, что реагирование НАТО на те или иные события должно определяться не по географическому принципу: где, в зоне или не в зоне ответственности альянса, находится угроза, а по степени серьёзности угрозы. Как подчёркивает Моэнс, «новая концепция должна зафиксировать, что жизненно важным интересам членов НАТО могут угрожать государства и негосударственные игроки, находящиеся как вблизи, так и вдали от территории членов НАТО, и что эти угрозы могут включать или не включать нарушение территориальной целостности североатлантической зоны» [26]. В качестве наиболее вероятной угрозы он рассматривает воинственный исламизм.

Меньшая часть канадских экспертов выступала за сохранение ограничительного, евроатлантического мандата НАТО. Такая позиция в большей мере характерна либо для радикального крыла экспертного сообщества, либо для представителей Квебека. Так, президент Института Ридо С. Стейплз в интервью канадской газете «Глоб энд мейл» отмечает, что «альянс не имеет полномочий для действия в глобальном масштабе и плохо приспособлен для этого» [19]. Роль НАТО, по его мнению, должна ограничиваться обороной территории его членов.

Схожей позиции придерживаются С. Руссел и С. Батис из Университета Квебека в Монреале. Они указывают, что «Оттава должна рассмотреть возможность ограничения деятельности НАТО европейским субконтинентом и его непосредственным окружением» [34, р. 23]. Выстраивание отношений со странами за пределами зоны ответственности, за что выступало правительство и большинство экспертов, усилило бы расслоение на более и менее влиятельных членов и в конечном счёте привело бы к выделению в рамках НАТО специального управляющего совета. Проблема в том, что «нет никаких гарантий, что Канада будет приглашена в этот "управляющий совет НАТО", даже если ка-

надские руководители убеждены, что ведущая роль канадских вооружённых сил в Афганистане является пропуском к месту за этим столом» [34, р. 23-24].

Руссел и Батис отмечают, что сосредоточение альянса именно на евроатлантической зоне является для Канады наиболее безопасным и перспективным вариантом. С одной стороны, они ставят под сомнение саму возможность использования НАТО как противовеса американскому влиянию. По их словам, «в практическом плане структуры НАТО являются набором инструментов для американского военно-политического руководства» [34, р. 24]. С другой стороны, процесс реформирования альянса открывает перед Канадой «возможности для восстановления и укрепления североамериканской опоры НАТО, то есть сети канадо-американских двусторонних институтов» [34, р. 24].

Позиция Канады, точнее позиция США вместе с их ближайшими союзниками, включая Канаду, по превращению НАТО в глобальный альянс возобладала при подготовке новой стратегической концепции. В документе, принятом в Лиссабоне, отмечается, что «укрепление евроатлантической безопасности лучше всего обеспечивается через широкую сеть партнёрских связей со странами и организациями по всему миру» [6]. Фактически стирается граница между понятиями «региональная» и «глобальная безопасность». В концепции указывается, что «нестабильность или конфликт за пределами границ членов НАТО может напрямую угрожать безопасности альянса» [6]. Сам список угроз – распространение оружия массового уничтожения, терроризм, кибератаки, имеющий надрегиональный характер, убедительнее всего показывает глобальное понимание альянсом своей безопасности.

Обнаружение новой стратегической концепции не поставило точку в канадских дебатах, но перевело их в плоскость обсуждения конкретных параметров глобальной НАТО. На слушаниях в парламенте в июле 2012 г. известный канадский военный историк Дж. Гранатстайн выступил с инициативой создания «расширенного сообщества англоязычных стран» [18, р. 2]. Такой альянс имел бы ярко выраженную тихоокеанскую направленность: его членами могли бы стать Южная Корея, Япония, Индия и Сингапур. В то же время Китай рассматривался как угроза. В другом исследовании, подготовленном для канадского МИД в июле 2013 г., отмечалось, что в следующие 20 лет внимание НАТО будет сосредоточено за пределами евроатлантической зоны, в особенности на Ближнем Востоке и Северной Африке [24, р. 4]. Как поясняют авторы, «спустя двадцать лет после крушения Советского Союза... умиротворение Европы, включая Балканы, достигнуто. Наиболее опасные конфликтные зоны расположены за пределами региона» [24, р. 9].

П. Чапин и Б. Макдональд выделяют у будущей НАТО три ТВД: евроатлантический, индо-тихоокеанский и «Большой Исламистан». Они обращают внимание на необходимость разграничения ответственности между американскими и европейскими союзниками. Европейские союзники должны нести ответственность за свой регион, а североамериканские – за свой. За Тихоокеанский регион должны отвечать США и их союзники в регионе. В то же время ответственность за Ближний и Средний Восток должна от США перейти к европейским союзникам. Как поясняют авторы, «по мере того, как уязвимость Европы от этого региона растёт, а зависимость США от энергоресурсов пада-

ет, изменение их соответствующих ролей в регионе выглядит неизбежным» [10, р. 5]. Европейцы и североамериканцы должны сохранить общую ответственность за Северную Атлантику и подготовку к участию в операциях на других ТВД в рамках временных коалиций [10, р. 8].

Своеобразный итог дискуссиям в Канаде о зоне ответственности альянса в декабре 2013 г. подвёл доклад Комитета по национальной обороне Палаты общин. В документе отмечается, что «в оценке потенциальных угроз Канаде и безопасности альянса важно придерживаться глобального подхода, и это означает отражение угроз на как можно большем расстоянии от границ членов НАТО» [29, р. 20].

Важным последствием переноса внимания Канады в деятельности НАТО с регионального на глобальный уровень стало дальнейшее снижение канадских военных обязательств в Европе. Собственно, канадские войска были выведены ещё в 1993 г. Теперь же Оттава решила отозвать из Европы своих лётчиков и техников, занятых обслуживанием самолетов дальнего радиолокационного обнаружения Е-3А АВАКС. В 2011 г. Канада официально проинформировала альянс, что она прекращает участие в программе АВАКС и выходит из программы Эй-джи-эс* (выход из Эй-джи-эс завершён в 2012 г., из АВАКС – в начале 2014 г. – Д.В.) [32].

Канада фактически отказалась от участия в «умной обороне»**, ссылаясь на европейский характер этой инициативы. Как отмечала на слушаниях в парламенте в апреле 2012 г. помощник министра обороны Дж. Синклер, «умная оборона... в большей мере полезна европейским союзникам, поскольку они находятся ближе друг к другу и могут разрабатывать и использовать эти ресурсы на более ограниченном участке территории» [17, р. 4]. В трактовке Синклера канадский вклад в «умную оборону» – это способность страны к переброске и развертыванию войск на отдалённых ТВД, т.е. та военно-транспортная авиация, которую Канада закупила во время операции в Афганистане.

Такую же позицию занял и Комитет по национальной обороне Палаты общин. В своём докладе в декабре 2013 г. он отметил, что «отдалённость от Европы и требование к обороне собственной территории снижают вероятность и выгодность участия Канады в "умной обороне"» [29, р. 5].

Стремление Канады отказаться от неудобных для неё европейских обязательств вызвало недовольство у руководства альянса. Выступая на международном форуме по безопасности в Галифаксе в ноябре 2013 г., заместитель генерального секретаря НАТО А. Вершбоу позволил себе публичную критику.

* Программа НАТО по наблюдению за землёй с воздуха Эй-джи-эс (*Alliance Ground Surveillance – AGS*) предусматривает закупку в 2015–2017 гг. пяти беспилотных летательных аппаратов. Страны НАТО, участвующие в проекте, должны также профинансировать строительство станций по их обслуживанию.

** Идея «умной обороны» (*smart defence*) была впервые выдвинута генеральным секретарем НАТО А. Расмуссеном в феврале 2011 г. как ответ на экономический кризис, охвативший большинство стран – членов альянса. Программа строится на трёх принципах: приоритетность, специализация и сотрудничество. Как поясняется на сайте НАТО, «страны-члены должны отдавать приоритет в своём военном строительстве развитию тех возможностей, в которых НАТО нуждается сильнее всего; специализироваться на том, что они умеют делать лучше всего и искать решение общих проблем на многонациональной основе» [36].

«Складывается впечатление, – заявил он, что Канада несколько снижает значение НАТО в рамках своей более широкой политики в области безопасности» [37]. Вершбоу подчеркнул, что в данном случае он лишь передаёт «общие разговоры в коридорах штаб-квартиры НАТО» [37].

Пересмотр миротворческой доктрины НАТО

Канада традиционно рассматривает участие в миротворческих операциях как одну из сильных сторон своей внешней и военной политики. Канадский премьер-министр Л. Пирсон был одним из основателей миротворчества, а сама Канада принимала активное участие в миротворческих операциях ООН в годы «холодной войны». Столкнувшись, однако, с более сложным и опасным характером миротворческих операций после окончания «холодной войны», страна резко уменьшила своё участие в них к началу 2000-х годов. С конца 1990-х годов и особенно после начала военной операции НАТО в Афганистане Канада пыталась разработать новую концепцию миротворчества. Это обусловило большое внимание с её стороны к миротворческому разделу новой стратегической концепции НАТО.

Пользуясь своим авторитетом в вопросах миротворчества, Канада стремилась к тому, чтобы её собственная миротворческая доктрина (так называемый 3Д-подход – *defence, diplomacy and development*) стала составной частью новой стратегической концепции НАТО.

В выступлениях канадских официальных лиц так или иначе повторялось несколько основных идей, касающихся миротворческой деятельности Североатлантического альянса в будущем.

Во-первых, это необходимость «всеобъемлющего подхода к проведению миротворческих операций, включающего военную деятельность, помощь развитию и дипломатические усилия» [21]. Фактически это было повторение того 3Д-подхода, который Канада сделала основой своей миротворческой доктрины в 2005 году [2, с. 45–46].

Во-вторых, уникальный характер каждой миротворческой операции. Как отмечал П. Маккей, «не существует единого общегосударственного подхода для каждой ситуации. Он должен подстраиваться под различные обстоятельства» [22, р. 34]. На первый взгляд кажется, что это отрицает предыдущий тезис о необходимости всеобъемлющего подхода, однако, на самом деле данное утверждение лишь обеспечивает необходимую гибкость подхода 3Д, позволяя Канаде варьировать миротворческие обязательства в зависимости от конкретной ситуации.

В-третьих, подключение к миротворческим операциям альянса других международных организаций. По словам П. Маккея, «НАТО должна быть частью "всеобъемлющего подхода" к сложным международным проблемам и вызовам, который сочетает её уникальные военные возможности с ресурсами и знаниями других организаций, таких как ООН и ЕС» [22, р. 34].

В-четвёртых, усиление невоенной составляющей в миротворческих операциях НАТО. Частично это укладывалось в рамки нового всеобъемлющего подхода. Однако заявления канадских официальных лиц не оставляют сомнения,

что Канаду интересовала именно невоенная сторона этого всеобъемлющего подхода. На встрече с А. Расмуссеном в январе 2010 г. С. Харпер подчеркнул необходимость «реструктуризации сил НАТО таким образом, чтобы они могли более тесно работать с гражданскими структурами, особенно при операциях под эгидой ООН» [9].

На уровне канадского экспертного сообщества были предложены конкретные меры по усилению гражданского элемента в миротворческих операциях НАТО. Так, в уже упоминавшемся докладе П. Чапина в качестве первого шага предлагалось создать в штаб-квартире альянса отдел, отвечающий за планирование и координацию гражданских операций. Рассматривалась также возможность создания аналогичных структур в штаб-квартире Верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе и во временных штаб-квартирах альянса [11, р. 47].

Канада в значительной степени добилась этой своей цели. Миротворчеству уделено большое внимание в новой стратегической концепции. Кризисное регулирование объявлено одной из трёх главных задач НАТО. Предусмотрено участие альянса на всех стадиях конфликта – до возникновения, во время него и после завершения. Сам текст миротворческого раздела практически дословно повторяет выступления канадских официальных лиц. Как отмечается в концепции, «уроки, усвоенные по итогам операций НАТО, особенно в Афганистане и Западных Балканах, ясно показывают, что для эффективного кризисного регулирования требуется всеобъемлющий подход, включающий политический, гражданский и военный элементы» [6]. Отмечено, что альянс будет активно взаимодействовать с другими международными участниками. В концепции нашло отражение и предложение Канады по расширению и узакониванию невоенной составляющей миротворческих операций НАТО. Согласно документу, альянс должен «сформировать адекватные, но умеренные гражданские возможности по кризисному регулированию для более эффективного взаимодействия с гражданскими партнёрами» [6].

Признанием важности гражданского составляющей стало обещание активнее использовать комплексное гражданско-военное планирование в миротворческих операциях. Возможно, наибольшие перспективы для Канады, стремящейся сконцентрироваться на невоенном миротворчестве, имеет намерение альянса подготовить гражданских специалистов из стран-членов для быстрого развёртывания в операциях НАТО.

Удельный вес миротворческого раздела ещё более заметен, если сравнить его с предыдущей стратегической концепцией НАТО 1999 г. В концепции 1999 г. кризисное регулирование лишь упомянуто как один из инструментов усиления безопасности и стабильности в евроатлантической зоне [38]. В концепции же 2010 г. нет никаких географических ограничений в отношении будущих миротворческих операций. Там прямо сказано, что миротворческие операции будут иметь «экспедиционный», то есть глобальный характер.

Всеобъемлющий подход к миротворческим операциям был подтверждён на саммитах НАТО в Чикаго в мае 2012 г. и Уэльсе в сентябре 2014 года. По итогам саммита в Чикаго отмечалось, что «умеренные гражданские возможности по кризисному регулированию созданы в штаб-квартире НАТО и Командова-

нии НАТО по операциям» [13], т.е. сделано то, что предлагали канадские эксперты в 2010 г. В Уэльсе получило развитие другое канадское предложение – о привлечении к миротворческим операциям альянса других участников. Как говорится в принятой там декларации, «в рамках участия НАТО во всеобъемлющем подходе международного сообщества альянс будет усиливать сотрудничество со странами-партнёрами и с остальными игроками, включая другие международные организации, такие как ООН, ЕС, ОБСЕ, так же как и с негосударственными игроками» [39].

После одобрения альянсом новой миротворческой доктрины перед Канадой встал другой вопрос – где именно проводить такие операции. Ведь одновременно с принятием новой концепции НАТО начала сворачивать свою операцию в Афганистане. В ноябре 2010 г. канадское правительство объявило о сокращении к 2012 г. своего военного присутствия в Афганистане в 3 раза – с 2 830 до 950 человек, – высвобождая, таким образом, войска для участия в миротворческих операциях.

Поиск новых объектов для миротворческих усилий почти сразу сконцентрировался на африканском направлении. Уже в январе 2011 г. Дж. Шрам, в прошлом посол в нескольких африканских странах, заявил, что канадские войска, выводимые из Афганистана, могут быть направлены в качестве миротворцев в Судан [15]. Главную роль, однако, сыграло участие Канады в операции альянса в Ливии. Хотя нанесение авиаударов сложно назвать миротворчеством, эта кампания задавала определённый вектор. Тема Африки как потенциальной миротворческой зоны снова возникла в конце 2012 г. – начале 2013 г., когда встал вопрос о возможном проведении альянсом операции против исламистов в Мали. В конечном счёте такую операцию провела Франция своими силами, а участие Канады свелось к предоставлению военно-транспортного самолёта.

На этом фоне А. Моэнс и Дж. Питерсон из Университета Саймона Фрейзера разработали специальную концепцию миротворчества для Африки. Они отмечают, что борьба с исламизмом в Африке страдает от двух вещей: плохой работы СБ ООН и нехватки сил у африканских государств. Участие альянса могло бы решить обе эти проблемы. С одной стороны, общее количество членов НАТО и Африканского Союза обеспечивает достаточную легитимность любой операции на Африканском континенте. С другой стороны, альянс способен серьёзно нарастить миротворческий потенциал африканских стран. Как поясняют А. Моэнс и Дж. Питерсон, «содействие альянса не означает в первую очередь проведения совместных операций Африканского Союза и НАТО. Речь, скорее, идёт о помощи Африканскому Союзу в создании возможностей, подготовке его войск, организации военного планирования, управления, логистики и формировании войск постоянной боевой готовности» [27]. Именно такой формат миротворчества открывает перед Канадой наибольшие перспективы. По мнению двух этих исследователей, «учитывая канадский опыт участия в экспедиционных и миротворческих операциях, большой запас новых навыков и вооружений, приобретённых в ходе операции в Афганистане, Канаде следует взять на себя ведущую роль в этом проекте» [27].

Выделение Африки в отдельное миротворческое направление уже получило признание и на уровне НАТО. Впервые Чёрный континент как новая миро-

творческая зона был упомянут на саммите в Чикаго. Речь шла об усилении миротворческих возможностей Африканского Союза [13]. На саммите в Уэльсе альянс взял на себя новые обязательства. В принятой декларации отмечается, что «НАТО будет продолжать оказывать техническую поддержку и готова рассмотреть совместно с Африканским Союзом возможности для увеличения помощи в вопросах логистики, обучения и планирования для поддержки африканских миротворцев» [39].

Расширение НАТО и отношения с Россией

С начала 1990-х годов расширение НАТО и отношения с Россией считались взаимосвязанными вопросами, так как все новые члены, принятые в альянс после окончания «холодной войны», располагались в Центральной и Восточной Европе. Однако переход НАТО на глобальное понимание ответственности, нашедший отражение в новой стратегической концепции, привёл к тому, что Канада стала всё больше отделять эти вопросы друг от друга.

В отличие от 1990-х – начала 2000-х годов, когда Канада рассматривала расширение НАТО только применительно к Европе, на этот раз значительное место было уделено возможности приёма Мексики. Надо сразу сказать, что кандидатура Мексики обсуждалась только на экспертном уровне, официальная Оттава этот вопрос не затрагивала.

Сам интерес к приёму Мексики логичен и понятен, учитывая более чем двадцатилетний опыт строительства тремя североамериканскими государствами общей зоны свободной торговли (НАФТА).

Одним из первых этот вопрос поднял Д. Хаглунд из Университета Куинз. Свой анализ он начинает со ст. 10 Вашингтонского договора, которая прописывает порядок приёма в альянс новых членов. Согласно этой статье, «договаривающиеся стороны могут по единодушному согласию пригласить присоединиться к договору любое другое европейское государство, которое в состоянии способствовать развитию принципов договора и содействовать безопасности Североатлантического района» [4, с. 83].

Прежде всего, Хаглунд разделяет два условия: «европейскость государства» и его «способность содействовать безопасности Североатлантического района». При буквальном понимании первого критерия Мексика не могла бы быть принята в НАТО. Однако Хаглунд замечает, что в последнее время наметилась «тенденция к более свободной трактовке географических рамок Европы» [16, р. 277]. В этой связи он ссылается на дискуссию о возможном вступлении в альянс Грузии и Украины. «Если когда-либо Грузия (которая, по мнению Хаглунда, находится за пределами Европы), будет принята в НАТО, статью 10 придётся трактовать очень вольно, чтобы не территория, а европейская "культура" становилась определяющим критерием» [16, р. 277].

В то же время Мексика полностью удовлетворяет второму условию, поскольку способна вносить реальный вклад в укрепление безопасности Североатлантического района. Как поясняет Хаглунд, «воды натовского океана (то есть северной половины Атлантики) широко омывают всё восточное побережье Мексики, которое длиннее, чем у десятка так называемых "североатлантиче-

ских" союзников, чья связь с настоящим центром альянса в лучшем случае незначительна, а в некоторых случаях отсутствует» [16, р. 277-278].

В результате автор приходит к выводу, что статья 10 Вашингтонского договора не является непреодолимым препятствием для членства Мексики в альянсе.

Более важно, по мнению Хаглунда, то, что приём Мексики оправдан с политической точки зрения. Изменение района расширения с Европы на Северную Америку серьёзно снижает остроту этой проблемы для альянса, а также оппозицию со стороны России. Хаглунд считает, что приём Мексики в НАТО будет зависеть от того, какую идентичность – латиноамериканскую или североамериканскую – выберет сама Мексика. Как он отмечает, «если мексиканские элиты в итоге решат, что страна в большей мере является североамериканской, чем какой-либо ещё, и если будет определенный потенциал для конвертирования очевидной "регионализации" в нечто более серьёзное, то есть региональную идентичность, тогда можно утверждать, что членство в самой важной организации в области безопасности – НАТО, участниками которой являются два других североамериканских партнёра, стало бы средством окончательного закрепления Мексики как североамериканской страны» [16, р. 279].

Мощный импульс обсуждению перспектив вступления Мексики в НАТО придало проведение регулярных (раз в два года) трёхсторонних встреч министров обороны США, Канады и Мексики. Первая такая встреча состоялась в Оттаве в марте 2012 г., вторая – в Мехико в апреле 2014 г. В результате, если для Хаглунда в 2010 г. приём Мексики в НАТО был гипотетическим вопросом, то для К. Сендза в 2012 г. он был сугубо техническим и вполне решаемым. Показательно, что Сендз рассматривает этот вопрос не с военно-политической или правовой, а с экономической точки зрения. По его мнению, гарантии безопасности членам альянса стали серьёзным толчком к экономическому развитию этих государств. Он предлагает распространить этот европейский опыт на Северную Америку. По его словам, «Канада и Соединённые Штаты должны были бы признать к настоящему моменту, что нестабильность в Мексике угрожает экономическому процветанию и безопасности североамериканской интеграции» [35].

Первым шагом на пути к членству должно стать участие Мексики в программе НАТО «Партнёрство во имя мира». Особая роль отводится Канаде. Она должна стать образцом для подражания. Как поясняет Сендз, «будучи многолетним союзником Соединённых Штатов, Канада научилась справляться с постоянной асимметрией этих отношений, сохраняя в то же время свой суверенитет и достоинство» [35].

Совершенно иная, по-своему уникальная ситуация сложилась с дальнейшим расширением альянса в Центральной и Восточной Европе: официальная Оттава заняла более радикальную позицию, чем канадские эксперты. Ещё на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. Канада вместе с США выступила за приём в альянс Украины и Грузии [3]. На встрече с А. Расмуссеном в январе 2010 г. Харпер настаивал на продолжении альянсом «политики открытых дверей» [9]. Даже приход к власти на Украине в 2010 г. В. Януковича, отказавшегося от вступления в альянс, не изменил официальную канадскую пози-

цию. На сайте канадского МИД по-прежнему отмечалось, что «Канада поддерживает стремление Украины вступить в конечном счёте в НАТО» [8].

Более сдержанно отнеслись к этой идее канадские эксперты. В докладе П. Чапина прямо указывается, что «намерение расширить НАТО далее на восток требует серьёзного пересмотра» [11, р. 34]. В качестве препятствий называются большие расходы на расширение и втягивание альянса в междоусобные споры восточноевропейских стран. Единственное исключение сделано для Украины, но только в случае сильной поддержки этой идеи внутри страны.

С критикой официальной Оттавы за её поддержку приёма в альянс Грузии и Украины выступил бывший канадский посол на Украине и в России К. Уэстдал. Он считает, что вопрос о приёме Грузии был закрыт после российско-грузинского военного конфликта 2008 г., а Украины – с приходом к власти в 2010 г. В. Януковича [40].

Трактовка этого вопроса в новой концепции альянса оказалась ближе к позиции правительства. В тексте документа отсутствуют какие-либо ограничительные линии на расширение НАТО в Европе. Согласно концепции, «дверь для членства в НАТО остаётся открытой для всех европейских демократических стран, которые разделяют ценности альянса, готовы и способны нести ответственность и обязательства членства в НАТО и чей приём способствует усилению общей безопасности и стабильности» [6].

Вплоть до украинского кризиса в канадском экспертном сообществе сохранялось сдержанное отношение к дальнейшему расширению альянса в Европе. В докладе группы экспертов в июле 2013 г. отмечалось, что «несмотря на положительный опыт приёма новых членов, прошедшие два десятилетия показывают, что этот процесс серьёзно ухудшил отношения с Россией. Приём новых членов должен поддерживаться, только если существуют очевидные стратегические выгоды для альянса» [24, р. 29].

По вопросу об отношениях НАТО с Россией канадское правительство также занимало достаточно жёсткую позицию. С. Харпер прямо отвергал право России на какие-либо сферы влияния [9]. Позицию правительства поддерживала и часть экспертов. Например, А. Моэнс считал, что корень проблем между НАТО и Россией – это не расширение альянса, а характер российского режима, который толкает его на конфронтацию с Западом [26]. Кроме того, он обращал внимание на опасность раскола внутри НАТО по вопросу об отношениях с Россией [26].

Отношение к России в новой стратегической концепции оказалось более благожелательным, чем позиция канадского правительства. В концепции был взят курс на «стратегическое партнёрство между НАТО и Россией» [6]. Эта тенденция ещё больше усилилась после саммита альянса в Чикаго в мае 2012 г. В итоговой декларации отмечалось, что «НАТО и Россия имеют общие интересы в области безопасности и сталкиваются с общими вызовами» [13].

До украинского кризиса жёсткая антироссийская канадская позиция выглядела несколько маргинальной. Однако всё изменилось после того, как сам альянс стал пересматривать свою позицию. Если в концепции 2010 г. говорилось, что «НАТО не представляет угрозы для России» [6], то в апреле 2014 г. А. Вершбоу объявил, что в связи с украинскими событиями «НАТО вынуждена рас-

смагивать Россию в большей степени как противника, чем как партнёра» [7]. Этот новый подход был закреплён на саммите в Уэльсе в сентябре 2014 г. В его итоговой декларации отмечается, что конфликт на Украине «кардинально изменил представление альянса о цельной, свободной и мирной Европе» [39].

Канада и ядерная доктрина НАТО

Вопрос о роли ядерного оружия в стратегии НАТО неожиданно приобрёл большое значение, поскольку начало работы над новой стратегической концепцией совпало по времени со знаменитой пражской речью Б. Обамы. Во время выступления в Праге в апреле 2009 г. Обама выдвинул концепцию безъядерного мира – широкий комплекс мер по сокращению количества ядерного оружия на планете [33]. Эта программная речь американского президента послужила толчком к широкой дискуссии среди членов НАТО о различных аспектах ядерной доктрины альянса.

На официальном уровне Канада проявила мало интереса к этому вопросу. Инициативу взяли на себя эксперты и неправительственные организации. В январе 2010 г. они провели в Оттаве представительную конференцию, посвящённую ядерному разоружению. По её итогам для правительства был подготовлен ряд рекомендаций, часть из которых касалась борьбы с распространением ядерного оружия в рамках НАТО. От правительства требовали зафиксировать в новой стратегической концепции стремление альянса к созданию мира без ядерного оружия. Предлагалось включить в текст специальное упоминание о приверженности альянса Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и особенно двум первым его статьям*. Другие рекомендации включали:

- поддержку вывоза американского тактического оружия из Европы;
- одобрение переговоров между Соединёнными Штатами и Россией о заключении нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений;
- содействие снижению роли ядерного оружия в военной доктрине альянса и выработка установки на неприменение такого оружия на уровне НАТО и его ядерных членов [31, р. 10].

В рамках альянса наибольшую остроту в ядерных дебатах приобрёл вопрос о судьбе американского тактического ядерного оружия в Европе**. В феврале 2010 г. стало известно о намерении пяти европейских стран*** обратиться с официальным письмом к руководству альянса с просьбой вывести американское тактическое ядерное оружие с территории Европы [23]. Реакция США на эту инициативу оказалась отрицательной. Не отказываясь прямо от вывоза своего оружия из Европы, Соединённые Штаты обусловили такой шаг соответствующими сокращениями с российской стороны [20].

* Статья 1 ДНЯО запрещает ядерным государствам передавать ядерное оружие, а статья 2 – принимать такое оружие неядерным государствам [5, с. 44–45].

** Речь идёт о примерно 200 авиабомбах В-61, находящихся в Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции.

*** Бельгия, Германия, Люксембург, Нидерланды и Норвегия.

В споре американцев и европейцев Канада поддержала позицию США. На международном форуме по безопасности в Галифаксе в ноябре 2010 г. П. Маккей повторил американский тезис о необходимости увязки этого вопроса с сокращениями российского тактического ядерного оружия. Как отметил министр, «маловероятно рассчитывать на какие-либо действия в области нераспространения, если нет желания с обеих сторон» [12].

В итоге европейцы добились от США лишь декларативной уступки: в тексте новой концепции НАТО исчезло прямое упоминание об американском тактическом ядерном оружии в Европе. Однако фактически возобладала позиция США, поддержанная официальной Оттавой, о необходимости увязки любых сокращений с аналогичными действиями со стороны России. Подчеркнув, что альянс уже «резко уменьшил количество ядерного оружия в Европе», стратегия НАТО отмечала, что «любые дальнейшие шаги должны учитывать более значительные запасы российского ядерного оружия малой дальности» [6].

В то же время в новой стратегической концепции были поддержаны, хотя бы декларативно, рекомендации канадских экспертов о большей приверженности альянса ДНЯО. Впервые появилось упоминание о том, что цель альянса – «создание условий для мира без ядерного оружия в соответствии с целями Договора о нераспространении ядерного оружия» [6]. Формально были услышаны и предложения о неприменении ядерного оружия. В стратегии отмечается, что «обстоятельства, которые могли бы потребовать рассмотрения возможности использования ядерного оружия, остаются крайне маловероятными». Однако кроме самых общих фраз в стратегии не содержится никаких конкретных указаний на действия альянса в области разоружения. Более важное значение в этом плане имеет фраза, что «пока существует ядерное оружие, НАТО останется ядерным альянсом», что означает, что любые шаги в этой области будут осуществляться, исходя из собственных стратегических соображений, а не из-за необходимости разоружения.

Если до саммита в Лиссабоне основное внимание в ядерных дебатах уделялось американскому тактическому ядерному оружию, то после него – противоракетной обороне. Именно на саммите в Лиссабоне было принято решение о создании европейской ПРО. За основу был взят Европейский поэтапный адаптивный подход*, предложенный США.

Канада объявила о готовности участвовать в этом проекте в октябре 2010 г. Как отмечается в заявлении представителя канадского МИД К. Лубье, «Канада поддерживает разработку системы противоракетной обороны НАТО для защиты территории и населения европейских членов альянса» [30]. Для Канады это было непростое решение, учитывая, что в 2005 г. она отказалась участвовать в американской противоракетной обороне [1]. Дж. Фергюссон из Университета Манитобы считает, что на этот раз у канадского правительства не было выбора. «Учитывая, что европейские союзники в основном пришли к согласию, что они должны двигаться по пути создания противоракетной оборо-

* Разбитый на четыре этапа проект предусматривает полную защиту к 2020 г. территории, населения и вооружённых сил европейских членов альянса.

ны, и что США поддерживают этот проект... мы оказались бы в очень сложной дипломатической ситуации, если бы выступили против» [30].

В канадском экспертном сообществе, однако, обратили внимание на высокие издержки этого проекта для отношений НАТО с Россией. Э. Регер из Университета Ватерлоу считает, что создание европейской ПРО станет серьезной помехой для перезагрузки отношений между НАТО и Россией [18, р. 3]. В уже упоминавшемся докладе для канадского МИД в июле 2013 г. предлагалось, чтобы «НАТО более эффективно общалась с Россией по поводу своей запланированной системы ПРО и там, где возможно, обменивалась технической и другой информацией, с целью убедить Россию, что эта система не угрожает её потенциалу сдерживания, а предназначена для защиты от государств-изгоев» [24, р. 29].

В целом, участие в разработке новой стратегической концепции НАТО позволило Канаде уточнить объём и место североатлантических обязательств в её военной политике. Наиболее важным изменением стал переход от регионального к глобальному пониманию сферы ответственности альянса. Соответственно, в новой трактовке обязательства Канады перед НАТО заключаются не в защите Европы, а в борьбе с угрозами по всему миру в рамках так называемой «передовой обороны». В рамках этого глобального подхода произошла существенная переоценка значимости различных регионов для Канады. Дебаты о новой стратегической концепции показали, что наибольший военнополитический интерес Канады сосредоточен на регионах за пределами евроатлантической зоны – Тихоокеанском и Североамериканском. В то же время этот новый подход ускорил «военное прощание» с Европой, что нашло отражение в выходе Канады из старых программ (АВАКС) и отказе участвовать в новых («умная оборона»).

В результате глобального подхода многие вопросы, связанные с альянсом, получили для Канады совершенно иное звучание. Один из центральных вопросов последних двух десятилетий – расширение НАТО – впервые стал проектироваться не только на Европу, но и на другие регионы. Наибольший интерес и энтузиазм канадских экспертов вызвала возможность приёма в альянс Мексики, а не дальнейшее расширение НАТО в Восточной Европе.

Важным успехом для Канады можно считать и миротворческий раздел новой стратегической концепции. Готовность альянса заниматься кризисным регулированием за пределами евроатлантической зоны на всех стадиях конфликта обеспечила Канаду тем глобальным «миротворческим зонтиком», к которому она стремилась все 2000-е годы. Это позволяет Канаде незаметно и почти безболезненно перейти от участия в миротворческих операциях ООН к участию в операциях под эгидой НАТО.

Преимуществом с прошлыми североатлантическими обязательствами Канада сохранила только в вопросах, связанных с ядерным оружием. В этой сфере она по-прежнему полностью ориентируется на США. Именно американский фактор оказал наибольшее влияние на позицию официальной Оттавы в отношении американского тактического ядерного оружия в Европе и европейской противоракетной обороны.

Список литературы

1. Володин Д.А. Дебаты в Канаде о противоракетной обороне // США ✧ Канада. 2005. № 9. С. 44–58.
2. Володин Д.А. Канада и проблемы миростроительства в Афганистане // США ✧ Канада. 2007. № 10. С. 41–56.
3. Израелян Е.В. Канада – НАТО: эволюция подходов // США ✧ Канада. 2010. № 4. С. 3–18.
4. Системная история международных отношений. 1918–2003. События и документы. В 4-х тт. Т. 4. Документы 1945–2003. М.: Московский рабочий, 2004. 598 с.
5. Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М.: Политиздат, 1977. 280 с.
6. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19.11.2010 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm).
7. Alexander Vershbow to the 21st International Conference on Euro-Atlantic Security. Krakow (Poland). 4.04.2014 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108889.htm).
8. Canada-Ukraine Relations. November 2011 (http://www.canadainternational.gc.ca/ukraine/bilateral_relations_bilaterales/index.aspx?lang=eng).
9. Canadian PM and NATO S-G Discuss Afghanistan, the Strategic Concept, and the Arctic. 20.01.2010 (https://wikileaks.org/plusd/cables/10OTTAWA21_a.html).
10. Chapin P., MacDonald B. Defence Matters in Canada. Final Report. Findings from a Cross-Canada Discussion. The Atlantic Council of Canada. September 2013 (<http://www.cdfai.org/PDF/Defence%20Matters%20in%20Canada.pdf>).
11. Chapin P. Security in an Uncertain World: A Canadian Perspective on NATO's New Strategic Concept. CDAI-CDFAI, 2010. 58 p.
12. Chase S. MacKay Not Expecting Cut in Nuclear Arsenal, As NATO Set to Switch Gears // The Globe and Mail. 6.11.2010.
13. Chicago Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Chicago. 20.05.2012 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm?mode=pressrelease).
14. Daalder I., Goldgeier J. Global NATO // Foreign Affairs. September–October 2006. P. 105–113.
15. Elliot I. Canadian military likely headed to Sudan: Ex-diplomat // The Toronto Sun. 23.01.2011.
16. Haglund D. Pensando lo Imposible: Why Mexico Should Be the Next New Member of the North Atlantic Treaty Organization // Latin American Policy. December 2010. P. 264–283.
17. House of Commons. Standing Committee on National Defence. Evidence. 26.04.2012 (http://www.parl.gc.ca/content/hoc/Committee/411/NDDN/Evidence/EV5488904/NDDN_EV36-E.PDF).
18. House of Commons. Standing Committee on National Defence. Evidence. 12.06.2012 (http://www.parl.gc.ca/content/hoc/Committee/411/NDDN/Evidence/EV5670470/NDDN_EV46-E.PDF).
19. Interview with Steven Staples // The Globe and Mail. 22.03.2010.
20. Lander M. U.S. Resists Push by Allies for Tactical Nuclear Cuts // The New York Times. 23.04.2010.

21. *MacKay P.* Rede auf der 46. Münchner Sicherheitskonferenz. 07.02.2010
(<https://www.securityconference.de/veranstaltungen/munich-security-conference/msc-2010/reden/mackay-peter-g/>).
22. *MacKay P.* The Canada-Turkey Defense Partnership and the Future of NATO // Turkish Policy Quarterly. Spring 2010. P. 31-37.
23. *Mallet P.* Allied Bid for Obama to Remove US European Nuclear Stockpile // Agence France-Presse. 19.02.2010.
24. *Mérand F., Contessi N., Cornut J., Kunertova D.* Options for Canada's Future in Euro-Atlantic Organizations (2013-2030). ISROP. 2013. 30 p.
25. Minister of National Defence and Minister of Foreign Affairs Attend NATO Ministerial // DFAIT News Release No. 335. 15.10.2010.
26. *Moens A.* Future NATO: Guardian of National Interest. Canada and the New Strategic Concept // Atlantisch Perspectief. 2010. No. 4
(http://www.atlcom.nl/ap_archive/pdf/AP%202010%20nr.%204/Moens.pdf).
27. *Moens A., Peterson J.* Africa Needs NATO More Than It Needs UN. 21.02.2013
(<http://opencanada.org/features/the-think-tank/comments/africa-needs-nato-more-than-it-needs-the-un/>).
28. NATO 2020: Assured Security, Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17.05.2010. 58 p.
29. NATO's Strategic Concept and Canada's Role in International Defence Cooperation. Report of the Standing Committee on National Defence. December 2013. 46 p.
30. *O'Neill J.* Canada Backs EU Missile Shield // The Edmonton Journal. 21.10.2010.
31. Practical Steps to Zero Nuclear Weapons. Conference Report. 25-26.01.2010. Ottawa (Canada). 51 p.
32. *Pugliese D.* Canada Pulls Out of NATO Airborne Surveillance Programs to Save \$ 90 M // The Ottawa Citizen. 17.03.2012.
33. Remarks by President Barack Obama. Prague (Czech Republic). 5.04.2009
(http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered).
34. *Roussel S., Battiss S.* "Back to Basics?" Canada and the "New NATO Strategic Concept", from Afghanistan to the Arctic // The Dispatch. Summer 2010. P. 23-24.
35. *Sands Ch.* Why NATO Should Accept Mexico // The Huffington Post (Canada). 18.05.2012 (http://www.huffingtonpost.ca/christopher-sands/nato-mexico_b_1525638.html).
36. Smart Defence (http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_84268.htm?).
37. *Taber J.* NATO 'Chatter' Questions Canada's Commitment // The Globe and Mail. 25.11.2013.
38. The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Washington, D.C. 24.04.1999 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm).
39. Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales. 05.09.2014
(http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en).
40. *Westdal Ch.* NATO Summit: Making Peace with Russia, Canada Notwithstanding. 19.11.2010 (<http://opencanada.org/foreign-exchange/nato-summit-making-peace-with-russia-canada-notwithstanding/>).